

УДК 37-055.2:316.614:94(520)02

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНЫ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ

Д.В. Смирнова

Тверской государственный университет

Анализируется проблема социализации женщины на материале аристократического общества раннесредневековой Японии. Мы исследуем своеобразие методов воспитания и обучения, а также образование как механизм адаптации аристократок к освоению и исполнению установленных для них социальных ролей в высшем свете и семейных отношениях. Отметим исключительно важное значение, которое придавалось в тот период эстетической стороне поведения участников аристократического общества.

***Ключевые слова:** эпоха Хэйан, социализация, образование, культура, женский стиль.*

Под социализацией понимают сложный процесс становления личности, усвоение человеком в процессе образования (обучения и воспитания) приемлемых для данного общества образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, которые позволяют ему успешно адаптироваться и функционировать в социуме [5].

Социализация человека осуществляется в процессе его коммуникации с многочисленными институтами образования: семьёй, школой, религиозными и общественными учреждениями, специализирующимися в данной сфере. В результате этого взаимодействия происходит принятие определённых социальных ролей и своего гендерного статуса, получение представлений о том, что значит «быть мужчиной» или «быть женщиной» в рамках своей культуры и эпохи в данной социальной среде [9].

Во всех обществах существует особая система мужских и женских ролей, специфические для мужчин и для женщин виды деятельности и функции, которые отводятся им в рамках той или иной социальной группы [1, с. 292]. В патриархальном обществе социализация женщины была обусловлена господствующим тогда мнением о том, что женщина призвана быть матерью и женой, все остальные сферы деятельности являются привилегией мужчин. Поэтому в процессе своего воспитания женщина получала лишь те навыки, которые были необходимы ей для ведения домашнего хозяйства и воспитания детей.

Однако в разных социальных группах к женщинам предъявлялись разные требования. Женщинам, представительницам аристократического сословия, приближённым к верховной власти, была предоставлена определённая свобода. Для них вхождение в привилегированную социальную группу определялось интересами императорского двора, а главная проблема для аристократки заключалась в процессе её включения в придворное общество.

Соответственно возникает проблема усвоения женщиной образов своей социальной роли. Решение этой задачи актуализирует обращение к различным культурам различных исторических эпох, в которых сложились специфические образовательные традиции.

Объектом статьи является образование женщины в эпоху Хэйан (794–1185 гг.). Это было время расцвета японской культуры. До сих пор эта эпоха привлекает к себе внимание, вызывает благоговейный трепет и по праву считается золотым веком японской истории. Именно в это время сложились общенациональные традиции, ставшие основой дальнейшего развития японской культуры.

Начало этой эпохи было положено созданием новой столицы и переездом в нее. Однако она стала не только политическим и экономическим центром, но и сосредоточением культурных ценностей, всего самого наилучшего и достойного того времени [4, с. 12–13].

Японская культура раннего Средневековья во многом явление уникальное, так как это культура так называемого женского стиля. Она была женской не только потому, что создавалась женщинами, но и потому, что она была женской по духу, обладала свойственными женщинам элегантностью и изяществом. В тот период у знати отношение к миру определялось в первую очередь его эстетическим восприятием. «И сама эта знать была представлена “цветоподобными девами” и “облачными кавалерами”, искусными в стихосложении, стрельбе из лука и церемониальном танце» [2, с. 6]. Аристократы не воевали, хотя и служили в гвардии, а оружие стало для них или парадным украшением, или магическим средством, отпугивающим злых духов.

Главным достоянием этого периода становится литература: поэзия превратилась в элемент быта в среде аристократии, а проза за короткий промежуток времени с момента своего возникновения достигла поразительных высот. Столь быстрое развитие произошло во многом из-за участия женщин, получивших возможность проявить себя не столько благодаря своему положению в обществе, но во многом полученному образованию. Их произведения представляют сам дух и своеобразие той эпохи, в которой они жили, которую наблюдали и описывали на страницах своих романов и дневников: «Самые лучшие покои для придворных дам находятся в узких галереях <...> Всю ночь

мимо нашей галереи топчут сапоги. Вдруг шаги затихли, кто-то осторожно постучал в дверь. Забавно думать, что дама сразу же догадалась: "Это он!" <...> Зимой позвякивание щипцов в жаровне – тайный знак гостю, что дама ожидает его. Он стучит всё настойчивей и даже громко зовёт её, дама скользит к запертым ситомы и откликается ему. Иногда хор голосов начинает скандировать китайские стихи или декламирует нараспев японские танки. Одна из дам отпирает свою дверь, хотя никто к ней не стучался. Тут же останавливается тот, кто и в мыслях не держал посетить её <...> Из-под занавеса выбегают, тесня друг друга, многоцветные края женских одежд <...> Вот мужчина в темно-лиловых шароварах и ярком кафтане, надетом поверх многоцветных одежд, приподнимает штору и по пояс перегибается в комнату через нижнюю створку ситомы. Очень забавно поглядеть на него со двора. Он пишет письмо, придвинув к себе изящную тушечницу, или, попросив у дамы ручное зеркало, поправляет волосы. Право, он великолепен! В покоях висит занавес, но между его верхним краем и нижним краем остаётся узкая щель. Мужчина, стоя снаружи, ведёт разговор с дамой, сидящей внутри комнаты. Обычно они прекрасно видят друг друга... » [10, с. 142–144]. Эти «мужчины» и «придворные дамы», императорское окружение, представители господствующего слоя ежедневно концентрировали своё внимание на эстетической стороне жизни. Любование красотой во всех её возможных гранях становится мироощущением образованных людей господствующего класса и во многом формирует стиль искусства и образ жизни. Главной ценностью выступала гармония, во всём – от сочетания цветов в одежде до человеческих чувств в определённой обстановке. Поэтому такое большое значение придавалось церемониям и виртуозно разработанному до мельчайших деталей этикету. Окружающая аристократов эстетика была подобна карточному домику. И как любой, даже самый лёгкий ветерок ломал карточный домик, так и любая мелочь могла нарушить хрупкую согласованность элементов, искажая тем самым процесс эстетического восприятия. Поэтому отвергалось всё, что противоречило их философии прекрасного – будничные быт, нищие и простолюдины, люди, не способные понять изящество опадающих цветов вишнёвого дерева, оценить литературное произведение или сочинить стихотворение. Словом, отвергалось всё, что претило их представлениям о гармонии прекрасного.

Вся деятельность аристократического сословия хэйанской эпохи была сконцентрирована на развитии живописи, музыки, литературы и других сфер искусства. Через них происходило формирование и развитие японской эстетики. И если родители желали видеть своих дочерей в высшем свете, при императорском дворе, то и свои

воспитательные усилия они направляли на формирование соответствующих их обществу качеств, умений, навыков и т. д.

Система образования в Японии хэйанской эпохи была заимствована из Китая и базировалась на конфуцианских началах, как и всё государственное устройство. Учение Конфуция было воспринято скорее как философско-этическое учение, нежели как религия. Как и в Китае, Конфуций почитался великим учителем, но в гораздо меньшей степени, чем Будда. В Японии прижились главным образом нормы конфуцианской морали, этики, образа жизни, а соответственно церемониал и ритуалы. Положения этих аспектов конфуцианского учения стали регулировать всю светскую жизнь придворной аристократии, которая концентрировала все свои силы и всё своё внимание на эстетической стороне жизни. Основным принципом был строгий иерархический порядок подчинения младших старшим, что активно воспитывалось в детях (будь то мальчики или девочки) с раннего возраста. «Японская культура центрирована вокруг понятия “подобающего места”, которое должен занимать всякий человек или сообщество» [3, с. 21]. Такие представления о порядке реализовались в появлении жёстко регламентированного быта японской раннесредневековой аристократии. Запретов и ограничений было очень много, но цель была одна – констатировать социальный статус. «Однако японская культура – особый случай: это не только стремление продвинуться по иерархической лестнице, но и осознание необходимости обрести должное право на такое продвижение» [3, с. 22] и, собственно, право на сам статус. В хэйанскую эпоху такое право давало образование, и особенно значимую роль в социализации оно играло для женщин.

Основные тенденции в обучении мальчиков и девочек соответствовали культурным и идеологическим убеждениям правящей элиты, которая в эту эпоху во всём ориентировалась на Китай. Выше всего ценилось классическое образование в китайском духе, а китайский язык стал играть ту же роль, что и латинский в средневековой Европе, и служил целям просвещения. Через него приобщались к сокровищам китайской художественной литературы и философии [4, с. 14].

Благородных девиц, представительниц аристократии, как правило, учили только начальным элементарным сведениям китайских наук. Девушки были знакомы лишь с китайской поэзией и религиозными текстами. Такой порядок ограничения доступа женщин к китайским наукам был обусловлен социальными и эстетическими представлениями общества того времени: «Женщина, постигшая все

тонкости Трёх историй и Пяти книг¹, в моих глазах скорее проигрывает в привлекательности» [6, с. 41] – это замечание сделал один из героев романа, повествующего о быте японской аристократии X в. Женщине обществом отводилась роль жены и матери в первую очередь, и каждая женщина должна была «изведать горечь Трёх послушаний»², как писала Нидзё в своей «Непрошеной повести» [8, с. 101]. Вместе с этим женщина представляла собой своеобразный эстетический элемент в своей социальной группе, в обществе, в котором она жила. Аристократка могла получить самое серьёзное мужское образование и, бесспорно, если женщина разбиралась в этих «китайских премудростях», ей было чем гордиться, но излишняя осведомлённость в этой области производила скорее невыгодное впечатление. Единственное, что допускалось, это лишь намёк на знакомство женщины с китайской литературой. В своих «Записках» Сэй Сёнагон также намекает на то, что она знакома с китайской литературой, чем повергает чиновников в изумление [10, с. 42].

Впрочем, это не мешало многим аристократкам осваивать искусство «истинного письма» и заниматься углублённым изучением китайской литературы: «Когда человек, которого теперь называют Сикибу–но дзё, в детстве читал китайские книги, я всегда слушала и, если он медлил с толкованием или что-то забывал, на диво быстро отвечала за него, так, что наш отец – большой знаток и любитель китайских книг – часто сетовал: «Ах, какая досада, какое несчастье, что она родилась девочкой!» [11, с. 22] – так в дневнике вспоминала Мурасаки Сикибу о своём обучении в детстве. Таким образом, у женщин была возможность получить классическое китайское образование, конечно, при определённых условиях. Запретов для этого не было, как, собственно, и специально созданных условий, однако аристократка была ограничена кругом допустимого образования, которое могла демонстрировать в обществе, и которое было необходимо для её социализации в своём общественном круге.

Для обучения знати были созданы специальные учебные заведения – университет и школы, где изучались классические китайские книги, китайское законодательство, начала математики. Эти специальные учебные заведения находились в непосредственном подчинении государства, а также были и частные школы, принадлежавшие особенно влиятельным семьям. Кроме того,

---

¹ «... Трёх историй и Пяти книг...» – это классические китайские произведения, которые составляли основу мужского образования.

² Три послушания – согласно конфуцианским этическим представлениям, женщина должна была повиноваться отцу, затем мужу, а в случае смерти мужа – сыну.

существовала практика домашнего воспитания и обучения детей, для которых специально приглашали учителей [11, с. 8].

Однако все эти учебные заведения были предназначены для мальчиков. Если юноша мог посещать школу и университет, то девочка обучалась исключительно дома. Существовавший в среде хэйанской аристократии этикет запрещал даме показываться на глаза кому-либо, кроме некоторых прислужниц и членов семьи. Однако, несмотря на то что домашнее обучение было направлено на воспитание аристократок в духе существующей тогда этической и эстетической системы взглядов, не предусматривавшей разностороннего женского образования, во многом именно домашнее воспитание и обучение женщин способствовали формированию интеллектуальной элиты в женской аристократической среде, которая и прославилась хэйанскую эпоху. Благоприятные условия развития духовной культуры способствовали формированию мощного слоя интеллектуалов, учёных, писателей и поэтов в среде чиновничьей аристократии, далёкой от участия в политике. Домашнее образование в таких семьях, имевших собственные традиции в науках и искусствах, давало мальчикам и девочкам возможность всестороннего изучения литературы, музыки, живописи, каллиграфии.

Безусловно, девочку-аристократку рассматривали в первую очередь как будущую жену и мать. С самого раннего детства её готовили к будущей брачной жизни, рассчитывая на удачное замужество, которое укрепит положение семьи и явится залогом дальнейшего процветания рода. Однако в эстетизированном хэйанском обществе даже в роли жены и матери женщина должна была соответствовать принятым в обществе нормам изящного, прекрасного, утончённого. Такой порядок, в свою очередь, предоставлял возможность женщинам реализовать себя не только у домашнего очага, но и в области искусства. Поэтому воспитанию девочек, направленному соответствующим образом, уделяли особенное внимание.

С малолетства юная аристократка была окружена специально подобранными дамами, которые развивали в ней навыки, необходимые для благородной аристократической особы. В небогатых семьях этим могли заниматься матери или старшие сёстры, кормилицы: «Днём в досужие часы, или сумерничая, сестрица, мачеха и другие женщины пересказывали отрывки из того или иного романа "моноготари", например о принце Гэндзи³ – я слушала и интерес мой всё более

---

³ «Моноготари» – этот термин обозначает всю совокупность жанров художественной прозы. Принц Гэндзи является главным героем «Гэндзи моногатари», шедевра японской классической литературы, созданного в XI в. придворной дамой Мурасаки Сикибу.

разгорался» – вспоминала Такасуэ о своём знакомстве с японской классической прозой [13].

Девочек обучали игре на японских музыкальных инструментах, учили рисовать, но особенное внимание в их образовании уделялось изучению японской поэтической классики и умению самостоятельно слагать стихи. В эту эпоху духовная культура развивалась в условиях, благоприятных для искусства и, особенно, для литературы. И если к X в. проза только достигла своего расцвета, находясь в тени стихотворной формы литературы, то поэзия была на предельной степени своего развития. Она стала частью повседневной жизни каждого аристократа. Поэтому в женском образовании главный упор делался именно на знание поэзии: «Прежде всего, упражняй свою руку в письме. Затем научись играть на семиструнной цитре так хорошо, чтобы никто не смог сравниться с тобой в этом искусстве. Но наипаче всего потрудись прилежно заучить на память все двадцать томов “Кокинсю”⁴» [10, с. 63] – так в рассказе императора отец наставлял свою дочь во время её обучения. Эти двадцать томов не только нужно было выучить наизусть, но и уметь использовать сложившиеся в ней поэтические образы, чему девочек также обучали.

Еще одним из основных предметов обучения девочек была каллиграфия. Аристократок обучали писать только по-японски. Использование женщинами китайского письма (иероглифов, «истинных знаков») считалось дурным тоном. Поэтому девочки изучали японскую слоговую азбуку. Владение искусством красивого письма имело для них такое же значение, как и знание поэтического наследия Японии. Аристократки много времени проводили за изучением книг и освоением искусства каллиграфии, переписывая поэтические антологии, свитки на религиозную тематику [11, с. 10].

Помимо музыки, живописи, каллиграфии и литературы девочку учили составлять ароматы – искусство, которое в хэйанскую эпоху стало занимать довольно большое место в быту высшей знати, и подбирать одежды по цвету [11, с. 11]. Правильно подобранная цветовая гамма в одежде говорила не только об эстетическом вкусе и соответствии тенденциям моды аристократа или аристократки, но и о его статусе. Цвет играл в хэйанском обществе ещё и чиноразличительную роль, а также символизировал финансовое положение.

Таким образом, женское образование было сконцентрировано в сфере искусства и филологии и находилось на периферии

---

⁴ Кокинсю, иначе именуется Кокинвакасю («Собрание старых и новых песен Ямато») – это антология японской лирической поэзии вака (японский средневековый поэтический жанр).

образовательной системы. Вся образовательная традиция, нацеленная на практические умения и знания, была центрирована вокруг мальчиков и юношей, так как основной целью образования была подготовка соответствующих кадров для бюрократического аппарата в государственном управлении. Аристократка находилась вне участия в политической и экономической сферах управления, да и вообще вне государственного управления, поэтому науки, необходимые в этих сферах, ей были не нужны.

У женщин от начитанности и таланта зависела их придворная карьера и возможность удачно выйти замуж. Поэтому и образование имело совершенно иные функции и значение в жизни аристократки. Большинству аристократов достаточно было иметь надёжные связи для того, что бы продвигаться по должностной лестнице (как, например, это было с сыном автора «Дневника эфемерной жизни», который не обладал ни остротой ума, ни образованностью и мог прочесть лишь иероглиф своего имени, но имел надёжных покровителей [2, с. 13]).

Женское образование и воспитание было ориентировано на удовлетворение эстетических требований общества. Эстетика, отличавшаяся совершенством стиля и филигранной утончённостью, исключительно рафинированный культ красоты превратились в кредо эпохи. Любование красотой во всех её проявлениях стало мироощущением образованных людей господствующего класса, определяя и формируя образ жизни.

Эта идеология аристократического двора определила брачные отношения хэйанского общества. Хэйанские аристократки были удалены от участия в общественной жизни, их взаимодействие с внешним миром было крайне ограничено. Во взаимоотношениях мужчины и женщины внешность последней не играла роли почти ни на одном этапе ухаживания (недаром в эпоху Хэйан самыми совершенными красавицами считались прославленные поэтессы). Мужчине не имел возможности видеть женщину, и единственным посредником между ними была их переписка: он мог судить о своей избраннице исключительно по искусству слагать стихи и по красоте почерка. Для аристократок хорошее образование не только давало возможность удачно выйти замуж, но и сохранить брак. Так как супружеские отношения не являлись обязательно постоянными, долговечность брака в первую очередь зависела от достоинств женщины и от её умения сохранять привязанность мужа. Именно поэтому девушки столько времени уделяли изучению литературы и каллиграфии, учились игре на музыкальных инструментах и живописи.

Для большинства аристократок главными условиями получения статуса фрейлины при той или иной августейшей особе были умения прекрасно слагать стихи и искусно записывать их, играть на

музыкальных инструментах, самой расписать ширму или веер. Императрицы охотно собирали вокруг себя талантливых женщин из низших, небогатых слоёв аристократии. Однако попасть в этот круг можно было, лишь проявив себя человеком незаурядных способностей, зарекомендовав себя талантами в поэзии, музыке, каллиграфии и других искусствах, т. е. фактически пройти своеобразный образовательный ценз.

В Японии эпохи Хэйан, как и в любом патриархальном обществе, законы жизни диктовались мужчинами, однако роль женщины в аристократическом обществе не была ограничена исключительно домашним очагом, поскольку в этот период японская культура достигла такого развития, что изменила и традиционные представления о женщине. Мужчины эстетизировали свой мир настолько, что в нем оказалось место и для высокообразованной, утонченно воспитанной женщины. Женщина только в роли жены и матери перестала отвечать требованиям аристократического общества. Теперь, чтобы быть востребованной, женщина должна была уметь украшать это общество своими разнообразными талантами и своим присутствием.

Таким образом, утончённое образование, опиравшееся на классические образцы китайской культуры и на японское искусство, для женщин аристократического общества раннесредневековой Японии являлось, по сути, единственным способом социализации. Вне условий общения с высокой культурой, принятой в аристократическом сословии как образ жизни, для женщины не существовало возможностей полноценного существования и самореализации.

Список литературы

1. Введение в гендерные исследования: учеб. пособие / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001. Ч. 1. 708 с.
2. Горегляд В.Н. Этот суетный десятый век // Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. С. 5–26.
3. Говорунов А.В. Культура «подобавшего места» // Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб.: Наука, 2004. 360 с.
4. Маркова В. Предисловие // Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. СПб. «Кристалл», 1999. С. 5 – 28.
5. Мудрик А.В. Социальная педагогика // [Электронный ресурс]. URL: www.koob.ru
6. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гендзи: Т. 1. СПб.: Гиперион, 2010. Т. 1. 592 с.

7. Мурасаки Сикибу. Дневник // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glasnet.ru>
8. Нидзё. Непрошенная повесть. СПб.: «Кристалл», 2000. 448 с.
9. Слостёнин В. Педагогика // [Электронный ресурс]. URL: www.gumer.info
10. Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. СПб.: «Кристалл», 1999. 576 с.
11. Соколова-Делюсина Т.Л. «Повесть о Гэндзи», эпоха, автор. // Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Приложение. СПб.: Гиперион, 2010. 240 с.
12. Такасуэ. Дневник Сарасина // [Электронный ресурс]. URL: www.glucken.ru

EDUCATION AS A WAY OF FEMALE SOCIALIZATION OF JAPAN EARLY MEDIEVAL ARISTOCRATIC SOCIETY

D.V. Smirnova

Tver State University

This paper discusses the issue female socialization in aristocratic society of Japan early medieval. We investigate the uniqueness of the methods of education and training, as well as the formation mechanism of adaptation to the development of aristocratic and execution of their assigned social roles in high society and family relationships. Note the utmost importance that was attached at the time the aesthetic side of the behavior of participants in aristocratic society.

Keywords: *heian era, socialization, education, culture, feminine style.*

Об авторах:

СМИРНОВА Дарья Владимировна – соискатель кафедры педагогики, социальной работы и социальной психологии ФГБОУ ВПО «Тверской Государственный Университет» (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: tea-lapa@list.ru